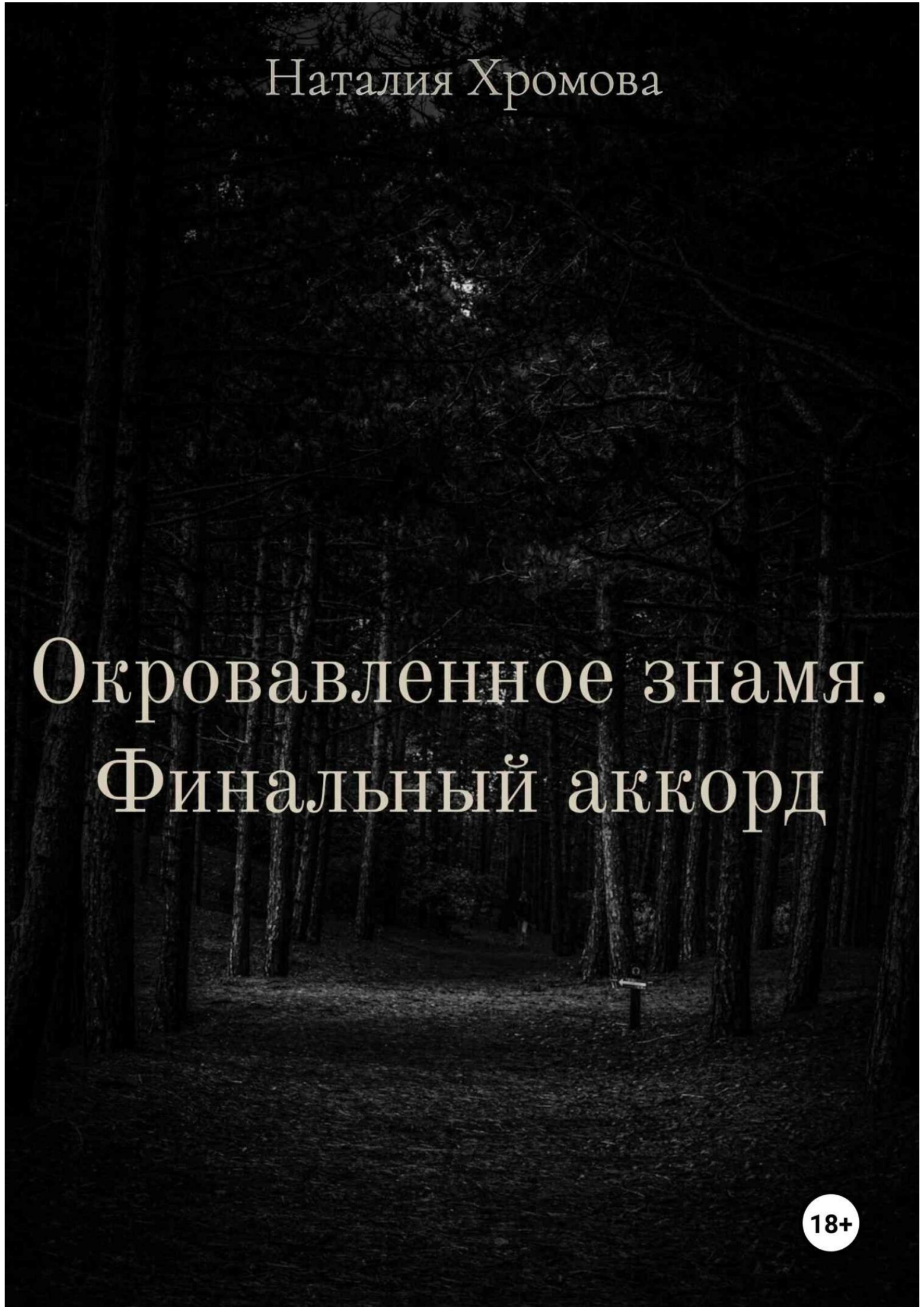

Наталия Хромова

Окровавленное знамя.
Финальный аккорд

18+

Окровенное знамя

Наталия Хромова

**Окровенное знамя.
Финальный аккорд**

«Автор»

2024

Хромова Н.

Окровавленное знамя. Финальный аккорд / Н. Хромова —
«Автор», 2024 — (Окровавленное знамя)

Светлана Лебедева, в попытках убежать от неприятных воспоминаний, переезжает в новый дом. Былое позади, похититель никогда не вернется. Или же это иллюзия, и ей вновь предстоит столкнуться как со старыми знакомыми, так и с ним?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Наталия Хромова

Окровавленное знамя. Финальный аккорд

Глава 1

Ветер остудил пылающие щеки, но менее жарко от этого не стало. Вроде весеннее утро было прохладным, но продолжительный бег делал свое дело.

Чета Лебедевых уже какое-то время жили за городом, и Света пристрастилась каждый день уходить по тропинке в первые пролески, где было достаточно удобно бегать.

Саму идею переезда Светлана встретила с сопротивлением. Она не хотела вновь оказаться в доме, дома напоминали ей о прошлом. Но и в прежней квартире оставаться было тошно. И поэтому она все же сдалась, не заметив, как быстро втянулась в загородную жизнь.

Света заправила за ухо сбившуюся прядь. Больше никаких длинных волос, поэтому ее обрезанные до каре коричневые локоны нередко лезли в лицо. Но то была несущественная мелочь, которая более не обращала на себя внимания.

Света притормозила у дерева, оперлась на него, чтобы отдышаться. Физических нагрузок в ее жизни стало больше, но тело все еще не привыкло к этому, пусть миновал уже второй год. Первый она практически не выходила за пределы участка, и то предпочитала быть у кого-то на виду – либо у мужа, либо у лечащего врача. Сейчас же Света спокойно оставалась одна, и даже территория вокруг села, в котором они теперь жили, не пугала ее.

Рядом шевельнулась листва. Вроде бы время от времени появлялся ветер и колыхал листья вокруг, но Света насторожилась. Она подняла голову и окинула взглядом местность. Никого. Она здесь была одна, но чувствовала – страх постепенно скручивал желудок. Будто что-то приближалось.

Хрустнула ветка. Света вздрогнула, посмотрела на дорогу, по которой только что бежала. Вдалеке стоял человек. Света сглотнула, сделала шаг назад. Она узнала его.

«Он не может быть здесь», – сделала еще шаг.

Он, напротив, стал приближаться, на его лице зияла кривая ухмылка.

Света переборола ступор, развернулась и побежала. Так подзабытый страх, который, казалось, стал частью прошлого, вновь забарабанил в груди. Она бежала, что есть мочи, но чувствовала, как он подбирался к ней. Все ближе и ближе.

В какой-то момент Света споткнулась, рухнула в кусты. Тогда на время это чувство опасности пропало. Она отряхнулась и аккуратно высунулась из кустов. Он все еще был рядом, и в его руках страдала новая жертва. Она слабо вырывалась, умоляюще заглядывала в глаза, но только сильнее привлекала его. Первым ударом мелькнувшего в руке ножа он вспорол ей живот, вторым же медленно и с наслаждением перерезал горло. Она хрипела, трепыхалась, но в глазах уже не осталось и признака жизни. Он же наблюдал не за ее агонией, за Светой. За страхом в ее глазах, за слабыми попытками отвести взгляд в сторону, встать на ноги и убежать. Но она не могла. Продолжала смотреть, будто это что-то могло решить, будто это могло кого-то вернуть к жизни. Но жертва уже была брошена, и он шел к ней, его раскрытая ладонь все ближе и ближе мелькала перед глазами.

Света вскрикнула и вскочила с кровати, отдышалась. Из приоткрытого окна вырывались трели птиц и холодный ветер. Она сделала еще несколько вдохов и посмотрела на небо – еще темное, только пробуждающееся после длительного сна. И вроде бы все это было наваждением, она в порядке, сидела сейчас в собственной постели, но сами собой полились слезы, а вместе с ними нахлынула истерика. И только сильные объятия немного привели ее в чувства. Максим держал крепко, тихо успокаивал и гладил по голове.

Все это просто сон. Проклятый сон.

– Все хорошо, – прошептал Максим, поцеловал в висок.

Света старалась дышать через рот, но успокоение шло долго, все еще возвращая ее в сон, в те мгновения страха и ужаса.

Ее заключение длилось месяцы, но будто она прошла годы. Все слишком ярко, явственно, и даже множественные переносы реальности в предложения на бумаге не приносили успокоения.

Он не собирался отпускать ее. Стоял за спиной сейчас, поглядывал на нее через окно, прятался за дверью, ходил по комнатам первого этажа. Он был везде.

И хоть она знала, что истинная его сущность сидела в тюрьме и не выказывала попыток выбраться, эти липкие руки страха добирались до нее даже в те мгновения, когда все было под ее контролем.

– Ты пила сегодня таблетки? – прорезался голос Максима.

Света отпрянула от мужа, посмотрела прямо в глаза. Страх медленно отступал.

– Да, – прошептала она. – Ты же знаешь, мне сложно отойти от этих кошмаров.

Максим ничего не ответил, несколько раз провел по ее спине. После глянул в окно.

– По-моему, самое время для утреннего чая, – с улыбкой отметил он.

Света усмехнулась. В этом был весь Максим.

Они поднялись, вместе отправились вниз. Максим усадил жену на стул, поставил чайник. И чувствовала Света в этой простой атмосфере те позабытые года, когда она не знала ни популярности, ни встречи с Константином Иванченко.

Противный звонок прокатился по комнатам первого этажа. Света, читавшая книгу в кресле, поежилась, но предпочла не ждать продолжения – встала и отправилась к двери. У порога, к удивлению писательницы, стоял Соломатин. Тот сразу же улыбнулся и протянул руку. Света ответила на жест той же протянутой рукой и улыбкой, пригласила внутрь. Они не виделись порядком полгода, поэтому этот визит удивил ее, но она предпочла ничего не говорить.

Света провела психиатра в столовую, пригласила за стол, а сама впорхнула в кухню. Вскоре она вышла с подносом, на котором стояли две чашки: для себя она приготовила любимый травяной чай, Соломатина же ждал крепкий кофе. Он подхватил кружку, сразу же отпил, но быстро отставил в сторону. Света села напротив.

– Простите, что пришел без приглашения, милочка, но я был поблизости и решил справиться о вашем здоровье, – он коснулся своей бородки.

– Вам не о чем беспокоиться, я рада вашему приходу, – Света отхлебнула немного из кружки, отвела взгляд в сторону.

Она снова вспомнила о прошлом. Все-таки и Сергея Молотова, и Алексея Соломатина она узнала благодаря тому, кто разделил ее жизнь на до и после. И хоть она старалась не думать об этом, мысли сами собой пробивались и напоминали о прошлом.

Ее руки неожиданно коснулась другая. Света дернулась. Психиатр перемахнул расстояние между ними и теперь крепко держал ее ладонь. Он будто легко понял ту пучину, куда готова была провалиться Светлана, и ловко удержал ее в реальности.

– Я чувствую себя намного лучше, – аккуратно освободила руку Света.

Психиатр сел обратно, иногда теребил бородку. Но говорить не спешил, просто не сводил с нее глаз.

– Вас что-нибудь беспокоит сейчас? – спросил он через некоторое время.

Света криво улыбнулась. Как будто это беспокоило ее только сейчас. Скорей, долгое время ей удавалось избегать этого липучего ощущения. Когда ее спасли из дома Анны Поповой, она была уверена, что на этом все закончилось. Связи разорваны, а мучитель на остаток

жизни отправится в тюрьму. Но чем дольше тянулось время, тем больше приходило осознание – ничего не закончилось. Он не собирался отпускать ее. Он не собирался давать ей свободу. Он продолжал тянуть к ней руки, держать в тисках, мучить каждый день.

И хоть Света молчала слишком долго, Соломатин не пытался пробудить ее из наваждения, напротив, продолжил:

– Он все еще беспокоит вас?

Света медленно кивнула. Это не совсем подходящее слово, но лучшего она подобрать не могла. Все ее рассуждения напоминали бред сумасшедшего. Кроме писем, их больше ничего не связывало. И даже там он ни разу не обращался с ней так, как в месяцы заключения.

– Не думайте, что ваши мысли неправильные, – продолжал Соломатин. – Ощущать его рядом не значит быть сумасшедшим. Эти чувства не пропадут в одночасье, и сколько бы вы не пытались рационально мыслить, это наваждение не исчезнет так просто.

– И что мне делать? – прошептала Света, не поднимая взгляда на психиатра.

– Быть откровенной с лечащим врачом. Лечение может помочь только тогда, когда вы признаете проблему. Если будете делать вид, что он...

Света неожиданно перебила Соломатина.

– Это происходит только тогда, когда он снится мне.

Алексей Михайлович кивнул.

– Понимаю. Ровно как и те причины, по которой вы предпочитаете держать это в себе. Милая моя, вам не о чем беспокоиться. Вы сильная. Но не забывайте, что истинное проявление силы – признание слабостей. Вы не можете противостоять ему одна.

Света слушала его, но все больше и больше отстранялась от разговора. Ей все эти истины были слишком знакомы. Когда-то она поставила единственную палку в расследовании Молотова, и в тот же день ее похитили. И получалось, что она снова делала хуже – в первую очередь, себе.

– Вижу, вы все прекрасно понимаете. Теперь я чувствую себя немного дураком, – Соломатин посмеялся. – Но раз уж я уже начал, то добавлю, что никто не будет убеждать вас, что Константин Иванченко сейчас в тюрьме. Не будет указывать на его безобидные письма, – психиатр придвинулся ближе. – Если бы бессознательное можно было убеждать так легко, мы бы остались без работы. Поэтому...

– Хорошо, Алексей Михайлович. Я расскажу об этих ситуациях своему лечащему врачу, – Света вяло улыбнулась.

После они поговорили уже о сторонних вещах, даже позволили себе обсудить сюжет новой книги, где одного из героев Светлана решила сделать психиатром. Алексей Михайлович дал ей несколько профессиональных советов, после поднялся, поблагодарил за кофе и гостеприимство и удалился. Света закрывала за ним дверь, а сама думала о том, что ей стало немного легче. Груз вины и ответственности так и висел над ней эти годы, но теперь возникло ощущение, что его постепенно забирали другие, помогали сбрасывать эти путы, которые уже не так вгрызались в кожу, не так рвали душу.

Ей действительно стало легче.

Мужчина зевнул. Его смена практически подошла к концу, но глаза уже предательски слипались, делая поверхность стола, за которым он сидел, такой привлекательной подушкой. Но он держался из последних сил.

Из коридора слышались шаги. Он встрепенулся, ударил себя по щекам. До определенного времени он не мог видеть идущего, поэтому не хотел случайно попасться сонным выходящим. Но встретил его не руководитель или коллега, а местный врач. Лицо того скрывала

медицинская маска, хотя белого халата на его плечах не наблюдалось – он уже был одет в кожаную куртку и широкие брюки.

– Вы заболели, доктор? – с кривой усмешкой спросил мужчина.

Врач остановился, кивнул. После несколько раз кашлянул.

– Думал, что не проснулся, а, оказалось, горло застудил.

Мужчина кивнул и отпустил медицинского работника. Им обоим и так приходилось иметь дело со всяким сбродом, поэтому никому не хотелось задерживаться в тюремных стенах больше положенного.

Мужчина снова заклевал носом, стараясь до последнего не заснуть. Остался еще час его работы. И тогда он сможет поехать домой.

Вскоре до него донесся новый шум – кто-то бежал в его сторону. Мужчина снова похлопал себя по щекам, но быстро оставил занятие – рядом нарисовался другой сотрудник тюрьмы.

– Доктор... – запыхавшись, выдавил он. – Он выходил?..

Мужчина кивнул.

– Твою ж... – выругался коллега и бросился на улицу.

Мужчина поспешил за ним.

– Да что происходит?

– Это преступник, понимаешь? Кокнул медика и теперь... – они оба окинули взглядом улицу.

Машины врача среди других припаркованных не наблюдалось.

– Твою ж... сука-сука-сука, – ругался коллега.

Мужчина и сам готов был разорваться благим матом. Стоило все-таки попросить этого доктора стянуть маску, но сонным глазам показалось, что перед ним был именно тот, за кого себя выдавал преступник.

Они побежали обратно, подняли тревогу. Времени прошло немного, и они вполне могли успеть поймать его до того, как тот окончательно затеряется. Мужчина хотел бы в это верить, особенно после того, как услышал имя сбежавшего – Константин Иванченко.

Глава 2

Сергей стучал пальцами по столу, стараясь всеми силами не взорваться. За столько лет работы, он не слышал о настолько дерзких побегах из тюрьмы. И ведь прежде Иванченко уже пытался сбежать. Но тогда все его действия были продиктованы бунтом. Даже в таких обстоятельствах он не ушел за пределы тюрьмы. Сейчас же он не просто оказался снаружи, его местонахождение было неизвестно. Машину и одежду врача полицейские отыскивали неподалеку на обочине, местные леса были обысканы, но следов Иванченко не обнаружили.

«Ну, конечно, – рычал про себя Молотов, смотря в одну точку, – он сбежал из оцепления, он выбрался из камеры. Такому уж точно не нужен был детальный план побега».

Напротив Молотова сидел следователь Макаренко, который в свой отпуск принял приглашение коллеги посетить Санкт-Петербург. И сейчас держал на лице смешанное выражение: то ли он так удачно оказался в здешних краях, то ли выбрал не лучшее время.

– Быстро же Иванченко надоело сидеть в тюрьме, – хмыкнул Макаренко, едва сдержав улыбку.

Колкость оценил и Молотов, но был не в лучшем настроении, чтобы поддерживать ее смешком. Предстояло не просто начинать сначала – нужно было спешить. Всем было известно, что из себя представлял Иванченко и чего следовало ожидать от него. Он легко найдет себе мишень: будь то последователь или жертва. Также...

Молотов поднялся, наскоро собрал бумаги на столе в какой-то порядок. Макаренко поднялся следом. Он не спрашивал ничего, но в лице держал легкий интерес.

– Со всем этим побегом мы забыли главное – у него есть одна известная нам мишень, – Молотов накинул пиджак и вышел из кабинета.

Коллега не отставал.

– Вряд ли он сразу сунется к ней. Да и разве он?..

– Конечно, нет. Все письма от нее шли без обратного адреса. Но нам стоит поспешить.

И пока следователи суетились, в доме Светланы царила безмятежность. Новости сюда практически не доходили, да и Максим постарался создать атмосферу уюта и покоя. Поэтому криминалу в этих стенах не было никакого места – разве что он мелькал в произведениях, но дальше исписанных страниц не допускался. Так что утро супруги встретили на кухне, мирно позавтракав и теперь наслаждаясь утренним кофе. Иногда в такое время они включали телевизор, чтобы напомнить себе о прежней суете, но сегодня он молчал. Свету это не сильно напрягало, но почему-то время от времени возникало желание нажать на заветную красную кнопку. И почему вдруг? Если бы произошло что-нибудь глобальное, соседи уже донесли все это, смакуя самые жестокие подробности.

Послышался звонок. Максим отставил кружку в сторону, поморщился.

– И кого принесло так рано? – недовольно буркнул он.

– Ты все еще злишься из-за Алексея Михайловича? Они ведь беспокоятся обо мне.

– Ага, и напоминают тебе о прошлом, – Максим поднялся и отправился к двери.

Света проводила его с легкой улыбкой на устах, после потянулась к пульта. Зуд не исчезал, поэтому вскоре телевизор зашипел и замелькал – по каналу шли новости. Света не вслушивалась, но, почувствовав знакомые нотки, посмотрела на экран. Увиденное казалось навязчивым. Снова это происходило с ней? Она еще не проснулась? Света сильнее укусила губу, прилично пожевав ее. Дрожь пробежалась по телу. Это происходило с ней наяву, все это не было еще одним отголоском прошлого. Или она снова вернулась назад?

– Светлана, – из коридора прозвучал голос.

Света обернулась и выронила пульт. Притворяться больше не получалось. Прошное вернулось. Напротив нее стоял следователь Молотов, а с экрана глядела фотография сбежавшего из тюрьмы Константина Иванченко.

«Если вы видели этого человека или имеете представление, где его можно найти, сообщите об этом...» – вырывался из динамиков телевизора голос диктора, но поддавшись на резкое нажатие на кнопку пульта, телевизор потух и смолк.

– Достали уже, – выругался Иван, крупный мужчина средних лет, и швырнул пульт куда-то под стойку.

Он уже несколько лет держал небольшой пивной бар, даже иногда ночевал здесь, поэтому все вокруг было сделано под его вкус: темные стены, пошарпанная мебель. И солоноватый запах держался стойко. Наверное, поэтому ему все еще удавалось оставаться на плаву – никто не хотел вычищать все его старания в случае, если он покинет помещение.

– Да ладно тебе, нужно же им показать бурную деятельность, – захихикал один из посетителей, сидевший за стойкой.

Он был завсегдатаем, но Иван упорно не мог запомнить его имя. Про себя он называл его «носатый» из-за выделяющегося орлиного носа.

– Несколько месяцев прошло. Долго же они стараются, хотя его рожей тут каждый угол утыкан, – Иван плюнул в пустой стакан – такой он всегда держал для подобных случаев. – Чем только эта полиция занимается?

– Он может прятаться в лесах. Тогда его можно искать очень и очень долго, – предположил другой завсегдатай – Леня.

Леня бывал в баре чаще, чем носатый, поэтому иногда складывалось ощущение, что он прирос к стулу. И только редкое желание отлить и ходить на работу вынуждало его покидать стены заведения.

– Или покончил с собой в каком-нибудь укромном месте, – вырвалось у человека за столиком.

Его Иван не знал, поэтому сразу поставил пометку – второй раз этот голубчик не появится. Слишком нежный для подобных мест. Но взглядом этого он не показал, только фыркнул:

– Я хоть и не знал этого хлопчика лично, но уверен – не из того теста слеплен. Хрен бы он стал. Наверняка, уже пошел по старой дорожке.

Мужчина за столиком лишь примирительно пожал плечами. Мимо тем временем просеменил Максим – единственный работник зала, кроме самого Ивана. Вообще, их было трое: владелец Иван, уборщик Максим и бухгалтерша Лена. Но женщина всегда сидела в подсобке и вела учет, поэтому о ее существовании практически никто не знал. На виду были только мужчины. И хоть Максим работал недавно, все уже успели привыкнуть к его мельтешению перед глазами, пусть сам по себе он был странен: носил очки, медицинскую маску и налысо брил голову.

– А ты что думаешь, Макс? – остановил его носатый.

Максим окинул всех присутствующих взглядом, не скрывающим даже сквозь толщу очков удивления.

– Не говори, что не слышал? – Леня скривился. – О беглеце Иванченко все говорят.

– А... – протянул Максим. – Наверное, ему кто-то помог.

Он вновь стал подметать пол. Иван лишь сплюнул в стакан вновь. Максим, на его взгляд, тоже был слишком изнеженный для таких заведений, но все еще работал здесь.

– Если подумать, то в этом есть смысл, – тем временем рассуждал носатый. – Как он смог сбежать из хорошо охраняемой тюрьмы? Да и несколько месяцев скрываться?

– Ага, полиция лично ему помогает, – лишь посмеялся Ленья. – Так и вижу его в обнимку со следяком, который его и засадил. Хотя... может, кто-нибудь его вербанул или что-то вроде того?

– Да что гадать-то? – фыркнул Иван. – Уши уже завяли о нем слушать. Да и зуб вам даю, если менты что и делают, так это сидят вокруг той писательницы и пылинки с нее сдувают в надежде, что ее снова захотят похитить.

– Писательницы? – вскинул бровью носатый.

– А вроде больше всех тряндел об этом деле, – вновь разразился смехом Ленья, осушив очередной стакан хмельного. – Писательница Лебедева, которой он там чуть ли не в любви признавался. Хотя не удивлюсь, что они были заодно, и теперь она помогла ему сбежать.

– Долго же она не чесалась в таком случае, – хмыкнул носатый.

– Вы к ней несправедливы, – неожиданно подал голос Максим.

Все посмотрели на него. Он нервно вжался в швабру, но не увел привычно взгляд, даже, казалось, только осмелел.

– Она пережила такое серьезное преступление, видела, как все происходило, а вы смеетесь над ней. Это неправильно, – голос его не дрогнул, напротив, был слишком ровный в подобной ситуации, и только местами выдавал его раздражение.

«Мальчиш, похоже, обрел яйца», – улыбнулся про себя Иван.

Подобные перемены ему были по душе.

– Тебе она нравится, что ли? – тем временем примирительно спросил Ленья.

– Не она, а ее книги, – вернулся к подметанию Максим. – И, если бы вы прочитали ту, написанную о похищении, вы бы поняли, почему я заступаюсь.

– Как только научусь читать, так сразу, – уже вскользь бросил Ленья и стуком по барной стойке напомнил о добавке.

И пусть больше они не поднимали эту тему, Иван предпочел к ней вернуться, когда закрыл бар. Вместе с Леной он подсчитывал кассу, но как только заметил силуэт, стряхивающий крошки с барной стойки, сразу же отвлекся.

– Что это на тебя нашло? Этим пьяным рожам ты ничего не докажешь.

Максим не оторвался от занятия, только сухо ответил:

– Я знаю. Но я слишком проникся ее историей.

Лена, женщина чуть старше сорока лет с ярко выраженными формами и вполне милым полноватым лицом, подняла голову, устремила на мужчин взгляд голубых глаз.

– Что у вас произошло? – тихо спросила она – так уж звучал ее голос, даже комариный писк мог легко заглушить его.

– Да мальчиш вспылел, когда ту писаку обвинили в соучастии в преступлениях беглеца.

– Зачем вообще это обсуждать? – она нахмурилась, из-за чего очки ее скатились практически к самому кончику носа. – Только и слышу, что об этом Иванченко.

– Вот и здесь также, Лена, – Иван вздохнул, отошел к одному из кранов, чтобы налить себе немного хмельного. – Все только и говорят о нем. Я же сказал о писаке, не зная, что мальчиша это может обидеть.

– Это не обидело меня. Просто я уверен, что версию нам представили правильную. И я согласен с вами, – Максим поднял взгляд. – Наверняка, полиция крутится вокруг нее. Но это бессмысленно. Любому идиоту эта версия придет в голову. Хотя есть еще одна выжившая – Попова, кажется.

Иван одобрительно хмыкнул, залпом осушив полстакана. Но вновь все омрачил тихий голос Лены.

– Хватит вам, в самом деле. Не о чем больше говорить? Полиция без наших разговоров разберется.

– Простите, я просто разговор поддержал, – Максим снова уткнулся взглядом в стойку, стал усиленной тереть.

Но быстро оставил это занятие, подхватил ведро и нырнул в подсобку. Иван проследил за ним взглядом, после посмотрел на Лену. Та вновь занималась подсчетами, что-то бубня себе под нос.

– И что между вами происходит? – вопрос не застал Лену врасплох.

Напротив, она впиалась взглядом в Ивана, не уступая ему ни в чем. Только такая женщина и могла продержаться бок-о-бок с Иваном все эти годы.

– Разве мне нужно говорить? Или же ты плохо помнишь мой отказ?

– Не нуди, – Иван швырнул стакан в раковину, открыл воду, стал усиленно тереть его ершиком. – Я всего лишь спросил. Прошное вспоминать точно не в моих правилах.

Лена ничего не ответила, вернулась к подсчетам.

– Я просто беспокоюсь насчет Мишки. Он и так непростой фрукт.

– Подобное больше не повторится, – кинула Лена, собрала бумаги и сама ушла в подсобку.

Иван оставил несчастный стакан, выключил воду, а сам вдруг невольно окунулся в прошлое. С Леной они были знакомы с самой школьной скамьи, и трагедию ее жизни он наблюдал воочию. Сначала любимый муж, которого она трепетно ждала с армии. И вроде бы все хорошо, но тут случайная трагедия – и вот он лежит в могиле. Лена не скрывала своих слез, только малыш Мишка, родившийся у нее не так давно, не мог видеть их. Остальные же помнили ее скорбь. Но подобное не могло продолжаться вечно. Лена воспряла духом, стала поднимать Мишу. И вроде бы все хорошо, и интересный мужчина появился на горизонте. Но тут второй удар – непрост был новый ухажер Лены. Вскоре стало понятно – его интересовал Мишка. И хорошо, что дело обошлось малой кровью, и скорей всего, мальчишка уже не помнил произошедшее. Третий мужчина в жизни Лены тоже зашел с хорошей стороны, но впоследствии сильно запил.

«Но, наверное, мальчиш не так плох. Хотя он сильно молод», – Иван тряхнул головой.

Сегодня ему хотелось попасть домой, поэтому он поспешил закончить дела.

Лена и Максим сели в такси, но от женщины не скрылось волнение спутника – он то и дело стряхивал пыль со штанин и поправлял очки. Она взяла его за руку, вынудила посмотреть на нее.

– Не волнуйся, все пройдет хорошо, – она улыбнулась.

– Но не слишком ли мы спешим? Я, конечно, от своего не отступлю, но он может не принять этого.

Лена хорошо понимала его доводы, но успела привыкнуть к нему. Казалось, Максим – часть ее жизни, и поэтому теперь оставалось только рассчитывать на благосклонность сына. Он не обязан это принимать, но хотя бы понять – возможно.

– Я уверена, вам даже проще будет найти общий язык, – Лена сильнее сжала его руку.

Такое тепло она не ощущала давно. Вроде бы только недавно она указала на дверь предыдущему ухажеру, но и без этого казалось – только первый муж дарил что-то подобное, ненавязчиво-теплое. Но прошло столько лет. Она уже и забыла, каково это было. И теперь встретила его – Максима. Такого простого и неказистого. И пусть у него были свои несовершенства, она принимал их все.

Никто не знал, почему он носил маску, ей же он доверил тайну – его лицо было сильно обезображено. И хоть он не позволил ей коснуться, но продемонстрировал те ужасные пятна, покрывающую кожу, рассказал трагедию прошлого – детское баловство, обернувшееся страшным будущим.

Он был открыт перед ней, легко увлекал всякими разговорами. И особенно, детективами. Никто, казалось, не прочитал их столько, сколько сделал это он. Умолчал Максим только об одном...

«Прежде, он не говорил ничего о писательнице Лебедевой. Даже в контексте детективов», – Лена остановилась на этой мысли.

Чужая рука все еще ощущалась, но волнение от этого не угасло. Почему он не говорил ничего о ней? Она бы легко приняла это, если бы не сегодняшний разговор. Скрывать это от нее было бессмысленно. Лена уставилась в окно. А какой смысл терзаться догадками? Она спросила его об этом. Максим даже не смутился, сразу же ответил:

– Мы познакомились в ту пору, когда началась вся эта шумиха. И я видел, как неприятно тебе было. Вот и молчал, – он сделал паузу, сильнее стиснул ее ладонь в своей. – А так это правда, ее книги тоже в числе моих любимых. Особенно, та.

Все оказалось так просто. Лена улыбнулась собственным мыслям. Она уже так привыкла включать оборону, надумывать лишнего, что уже и подзабыла о такой простоте.

Такси привезло их к дому, отчего волнение только возобновилось. Она предупредила сына о новом мужчине, но не знала, что он может выкинуть. И это беспокоило ее, проходило по стенкам души. Максим тоже волновался, но старался держаться. И когда Лена представила его Мише – мальчику-подростку лет шестнадцати с взлохмаченными черными волосами и скучающими карими глазами – Максим искренне и добродушно поприветствовал его. В ответ получил только презрительное фырчание.

– Миша, это невежливо, – сразу же осадил ее, но парень проигнорировал это, ушел на кухню.

– Дай ему время, – шепнул Максим, прежде чем они последовали за парнем.

Лена весь вечер старалась держать это в голове. И пусть сын своими репликами изрядно проходил по ее терпению, она набирала побольше воздуха и отвечала ему спокойно. Но последняя капля все же упала.

– Почему вы носите эту маску?

– Ну, мое лицо напоминает многим одного серийного убийцу, – отшутился Максим.

– Так бы и сказали, что вы просто урод.

Лена выронила вилку, та с грохотом прокатилась по столу.

– Марш в свою комнату, – требовательно произнесла она, делая паузу после каждого слова. Миша попытался возразить тем, что еще не доел, но Лена повторила неумолимо: – Живо!

Миша скривился, демонстративно швырнул вилку и удалился прочь. Максим не вмешивался, но как только Лена протяжно вздохнула, обнял ее, притянул ближе, погладил волосы.

– Может, мне попробовать поговорить с ним? – предложил он. – Я, конечно, совсем не знаю, как вести себя с подростками, но мне бы хотелось помочь.

– Это очень мило с твоей стороны, – Лена кое-как натянула улыбку, но предпочла позволить перевести ее на диван.

Там же и обмякла, совсем забыв об ужине. Вечер оказался испорчен, пусть в доброте и заботе Максима это совсем не ощущалось. Он справился о воде, но приметив легкое покачивание головы, вышел из комнаты. Его путь лежал в соседнюю комнату, откуда уже приметно вырывались звуки музыки.

Миша был зол на мать, на себя, на этого непонятного мужика, появившегося сегодня в их доме. Вроде бы стоило уступить и принять как данность – возле матери продолжают крутиться всякие, но он не мог. Ревновал ли или же считал их недостойными, он не знал. Понимал, что все больше и больше чувствовал себя в этом доме чужим.

Мать не слышала его, он не желал вникать в ее проблемы. И закрытая с хлопком дверь все больше и больше становилась стеной. Миша включил погромче музыку, открыл послед-

нюю сохраненную ссылку. Появилась новая статья о Константине Иванченко, было интересно отвлечься, прочитать свежие новости об этом деле. Может, его уже поймали? Или же он начал действовать?

– Интересуешься такими вещами? – перекрикивая музыку, спросил Максим.

Миша вздрогнул, спешно нажал на паузу и обернулся.

– Я не позволял вам заходить, – рыкнул он.

– И как бы я спросил разрешение? – усмехнулся Максим и устроился на кровати, стоявшей рядом с рабочим столом. – Твоя музыка орала тут на всю округу.

Миша только поморщился.

– И, кажется, я задал тебе вопрос, – подначил молодой человек тем временем, его тон уже не напоминал прежний.

Это удивило Мишу, но он лишь фыркнул:

– С чего вы взяли, что я отвечу? Вы сразу же донесете мамке, что я ненормален.

На него бесстрастно глядели – даже толща очков не могла скрыть того равнодушия.

– Я умею хранить секреты.

Миша расслабился, опустил взгляд. Прежде ему не приходилось с кем-то делиться этим. Но и сейчас перспектива была такая себе – то был хахаль матери, и вряд ли он сдержит слово. В какой-то момент Миша нахмурился – пусть так, этот Максим вполне способен рассказать и о том, что уже успел увидеть.

– Ну... меня интересует Константин Иванченко. Как бы вам сказать... я восхищаюсь им. Я хотел бы быть таким же, как он. Черт, это было лишним.

Если прежде в глазах Максима было равнодушие и скука, то сейчас там блеснул интерес. Он придвинулся ближе, прищурил глаза и тихо произнес:

– Продолжай. Ты остановился на самом интересном месте.

Миша помотал головой.

– Знаю я, что вы все доложите мамке.

Хоть от него не ускользала перемена в поведении маминого хахалю, но он не поддавался – все это могло быть дешевым спектаклем. Ведь очевидно, что именно мама отправила его, сам бы он вряд ли пришел.

– Хорошо. А если я тоже доверю тебе один секрет, ты расскажешь мне?

Миша вскинул бровь.

– Так ведь будет не страшно. Если я проболтаюсь, то у тебя будет существенный туз в рукаве.

Миша молчал, а про себя думал о том, что подобное выдает еще большую фальшь. Ему расскажут какую-нибудь чушь про придушенного в детстве хомячка, а сами тем временем выведут самое сокровенное. На подобное он точно не попадется, не совсем уж зелен и наивен. Но он не стал бросаться обвинениями, лишь кивнул.

– Тогда... – Максим коснулся резинки маски, стянул ее с уха и отвел в сторону, позволив Мише разглядеть лицо.

Тот не шевелился. Все происходящее казалось ему сном, чем-то нереальным. Может, он не заметил, как уложил голову на клавиатуру и теперь ему мерещилось всякое? Но реальность вырисовывалась слишком четко, и он не мог случайно обознасться. Слишком много разных фотографий видел: старые, во время задержания, из суда и даже те, что делали уже после приговора.

– Так что, Миша, – губы человека напротив сложились в неприятную усмешку, – ты умеешь хранить секреты?

Ошибки быть не могло. Перед ним сидел сбежавший несколько месяцев назад Константин Иванченко.

Глава 3

Миша несколько раз моргнул, хлопнул себя по щекам. Ничего не менялось, только человек напротив вновь скрыл лицо за медицинской маской. Но больше в его глазах не плескалось равнодушие. Он выжидал. Как хищник, приметивший жертву и прятаящийся в кустах. И с одной стороны, в душе прокатывалось неприятное чувство от этого взгляда, а с другой – пробивалось совсем другое – восхищение. Этот человек каждый раз удивлял, преподнося публике все новые и новые впечатления. И особенно сильные – в душе Миши.

– Да... ты чем-то напомнил мне твоего тезку, – послышался неприятный смешок.

Но Мише казалось в этот момент, что и голос, и смех звучали откуда-то из-за стены. Он все еще не мог поверить, что это сейчас происходило в его комнате, с ним. Должен ли он благодарить кого-то за эту встречу? Он не знал, не мог даже определиться с тем, как начать разговор. Совсем *иной* разговор.

– Я... – вырвалось откуда-то из груди. – Я восхищаюсь вами. И я... совсем не имел ввиду то, что сказал. Я просто хотел мамку позлить...

– Проехали, – Константин поднялся, прошел к окну и выглянул наружу, чуть отодвинув штору. – Я все еще жду ответа на свой вопрос. Одним восхищаюсь здесь не отделаешься.

– Я... я знаю. Понимаете...

Миша решил, что мог чуть больше рассказать о себе, чтобы донести это свое «восхищаюсь». Его не радовали маньяки, совсем не интересовало убийство людей. Все это было где-то в стороне. Совсем другое – отсутствие страха. Константин не боялся. Он брал от жизни все и повиновался только собственным желаниям. Хотело его это заставить какую-нибудь суку визжать, и он исполнял это с ювелирной точностью, оставляя немного места дополнительным фантазиями. И, наверное, поэтому подростка тянуло к подобной личности. Миша другой.

В детстве ему было сложно оторваться от юбки матери, особенно, в ту пору, когда его водили к психологу. Но сколько бы специалист не пытался, Миша держал в голове причину – ту чуть скривленную улыбку и шепот:

«Это наш небольшой секрет».

В чем был секрет, Миша помнил слабо. Возможно, что-то этот горе-психолог все-таки умел. Миша не знал. Просто держался за маму, неуверенно отрываясь из-под ее опеки. Но снаружи было слишком страшно. Другие вгоняли его в краску, напоминали злобных зверят, готовящихся к нападению. И он совсем не знал, как следовало взаимодействовать с ними. Он наблюдал. И в какой-то момент привык быть один. Но чувствовал – этот страх не отступал. Щекотал душу, пробирался в самые потаенные участки души. И с каждым годом становилось все хуже. Меньше желания выходить наружу, больше смысла злить мать – только ее негативные эмоции добавляли каплю значимости. Какой именно – Миша не знал. Он вообще мало что понимал в этой жизни, пока не случилось та серия преступлений вместе с обсасываемым именем Константина Иванченко. И жизнь обрела определенный смысл.

Он стал изучать все, что смог откопать, благоговел о встрече, когда услышал о побеге. И вот...

Миша неожиданно замолчал и опустил взгляд. Рассказ вышел глупым. Такой человек, как Иванченко, не может водиться с таким ничтожеством, как Миша. И теперь это стало проглядываться лучше всего. Он всего лишь фанат. И таких у Константина было предостаточно и без него.

Неожиданно на плечо упала чужая рука. Миша поднял взгляд и обомлел – собеседник был совсем рядом, и чувствовалось от него только поддержка.

– Я тоже боюсь. Многих вещей. Я не такой сильный и бесстрашный, каким нарисовало твое воображение. Но я понимаю тебя, – он отпрянул, вернулся на кровать. – Я слишком

хорошо понимаю... Это не страх вызывает у тебя это чувство. Ты ищешь понимания. – Миша вздрогнул. – И я дам тебе его. Поверь мне, быть таким – нормально. До встречи с Михеем и Володькой, я и сам был такой. Стоял на краю жизни, смотрел за тем, как живут другие. Иногда я тянулся к ним, протягивал руку, но каждый раз не находил в ладони чужую. Им было все равно. И это изменило меня самого. Я окончательно убедился – я другой. И принял это, – Константин неожиданно подался вперед, взял Мишу под руку. – И ты прими. У каждого свой путь. И наш – такой. Другие могут осуждать это. Ха, они просто кучка лицемеров. Они сами хотели быть такими, как мы. Но жизнь обделила их, и поэтому они предпочли спрятаться за своими смешными моральями.

– Вы... – Миша чувствовал, как глаза щипало от проступающих слез.

Но он держался. Сейчас не время раскисать.

Константин тем временем отпустил его, посмотрел куда-то в сторону.

– Если ты готов, то я буду рядом, чтобы помочь тебе.

Выдержка подвела Мишу, из глаз брызнули слезы, но он постарался скорей обтереть их. Но, что удивило его больше, так это хлопки по плечу.

– Ну-ну, не раскисай. Хорошо, когда кто-то пришел и поддержал тебя, так? Ты ждал этого столько лет, и теперь я рядом.

Какое-то время Миша приходил в себя. Ругал себя при этом, стараясь припоминать всю крутость Константина, но тот не кричал, не злился. Напротив, старался найти все больше и больше ободряющих слов, выразить то понимание, которое Миша не встречал среди знакомых лиц. И приклеившийся к душе камень постепенно опадал.

– Кстати, – в какой-то момент вырвал его из раздумий голос Константина. Он стоял возле небольшой тумбочки и рассматривал фотографии, висевшие на стене, – чем ты увлекаешься? Обычно у подростков комната завалена всякими вещами...

– Ну...

– Не говори, что все твои увлечения – следить за моей персоной, – усмехнулся Иванченко. – Должно же быть что-то еще.

Миша призадумался.

– Я с дедой на рыбалку хожу. Но сейчас он в больнице.

– Подойдет, – Константин опустил рамку с фотографией обратно на тумбочку, повернулся. – Так мы не будем привлекать внимание твоей матери. Не против в эти выходные съездить со мной на рыбалку? Правда, я ни черта в ней не смыслю.

– Я научу вас!

– Славно...

Дверь неожиданно открылась, в комнату зашла Лена, но нерешительно остановилась у самых дверей. Константин вновь преобразился в этот момент, стал походить на Максима, в глазах его блеснуло облегчение.

– Полагаю, мы поладили. Я предложил Мишке поехать в выходные на рыбалку, пока твой отец болеет.

Она изумленно уставилась на него, после перевела растерянный взгляд на сына.

– Это правда? И ты согласен?

Миша скромно улыбнулся, кивнул.

– Я был неправ, мама. Максим, он... хороший человек. Э... – он замялся, но заметив дернувшиеся брови на лице Константина, спешно добавил: – Прости меня за испорченный вечер, – и опустил голову.

Лена не смогла сдержать улыбку.

Миша открыл окно, откуда тут же прилетел в лицо запах мокрой листвы. Незадолго до того, как они отправились в путь, шел дождь. И пусть сейчас он прошел, все еще висела перспектива повторения: тучи сильнее сгущались на небе. Но Константин не выразил никаких опасений и сейчас спокойно вел машину в указанном направлении, и только время от времени обращался к попутчику, сверяя маршрут.

– Нам необязательно было взаправду ехать туда, – подал голос после длительного молчания Миша.

Он до сих пор ощущал себя неуютно рядом с Иванченко, но тот ни разу не позволил за такой период времени ни сурового взгляда, ни малейшего повышения голоса. И сейчас он отреагировал спокойно, только на лице его блеснула усмешка:

– Мелко мыслишь. Городок у вас маленький, поэтому мы можем поехать только сюда.

– Наверное...

– К тому же, здесь ни души. Не нужно опасаться, что кто-то увидит меня или подслушает нас.

Миша заерзал на кресле. За эти несколько дней так ни разу не прозвучало, что именно желал обсудить Константин. Но Миша чувствовал – он хотел вернуть прежний уклад жизни. И даже полиция на хвосте его совершенно не волновала – как только они заехали в лесистую местность, он стянул маску и ехал уже добротную часть дороги без нее.

– Скажи, Миша, – заговорил Константин вновь, – ты уверен, что готов к тому пути, что я выбрал? Я лишь хочу сказать, – он завернул в сторону, в траву, за которой скрывался покатым берег, – соскочить ты сможешь только сейчас. И если выберешь этот путь, дороги назад уже не будет.

Миша сглотнул. Он и сам не знал точно. Вся жизнь его проходила на уровне ощущений. И сейчас так легко принять подобное решение он не мог. Просто считал, что иного быть не могло. Раз они так похожи, то это и его путь тоже. Даже если поначалу будет страшно.

Они вышли из машины, разложили вещи, сели на складные стулья и для виду запустили в воду удочки.

– Для начала следовало прикормить рыбу, а то плохо клевать будет, – улыбнулся Миша, но практически сразу смутился – зачем он вообще это сказал?

Но Константин вновь не выразил неодобрения, напротив, спросил:

– И чем прикармливать?

Какое-то время они обсуждали тонкости рыболовства. Миша даже не заметил, насколько складно и увлеченно рассказывал все то, что прежде слышал от деда. Напротив него сидел человек, который продолжал расспрашивать, не пытаясь вернуться к прежнему разговору. И в глазах его поблескивал искренний интерес.

Но в какой-то момент он сам остановил разговор, обернулся к воде и спросил:

– А твоя мама хорошо понимает в рыбалке?

– О нет, совсем не понимает, – Миша посмеялся и невольно припомнил случай, когда дед не хотел признаться дочери в плохом самочувствии.

– И что он сделал?

– Ну, мы никуда не поехали, а провели время у него. А по дороге домой купили свежую рыбу в магазине. Мама ничего не заметила. А ведь такая даже не водится здесь.

– Тогда так и поступим.

Миша кивнул.

– Хотя есть шанс, что что-то выловим, но подстраховка не повредит.

Они замолчали: Константин, уперев локти в колени, сидел и смотрел на воду, и взгляд его в этот момент был расслабленным и спокойным, будто наконец-то он отыскал умиротворение; Миша же наблюдал за ним, не зная, что сказать. Но в какой-то момент поймал себя на мысли, что никогда прежде не выезжал с кем-то посторонним. С кем-то, кто слушал его и выражал

понимание. И от этого на душе становилось тепло. Настолько, что приложив руку к груди, он мог почувствовать это воочию.

И ради этого ощущения он готов был сделать все, что угодно. Даже если в жертву придется принести немало людей. Все равно. Вопрос ценности чужой жизни перед ним не стоял. Для других он был пылью, чем-то незначительным. Почему он должен был относиться к ним как-то иначе?

– О чем думаешь?

Миша вздрогнул, посмотрел на собеседника. Тот уже не глядел на воду, его холодный взгляд наблюдал за лицом подростка.

– Я... я просто наслаждаюсь поездкой.

– Понятно, – Константин выпрямился, потянулся. – Так, насчет нашего разговора...

– Я не отступлю!

Вышло резко, поэтому Миша невольно смутился, увел взгляд.

– Не пожалей об этом.

Подросток помотал головой.

– И раз ты так решил, то начну с краткого изложения своих планов. Сразу скажу, что если тебе будет, что добавить, то я готов тебя выслушать.

Миша кивнул, но тихо добавил:

– Вы хотите начать с писательницы?

Константин усмехнулся.

– А ты все же смысленный малый. И как к этому пришел?

Миша смутился и не смог вымолвить ничего. Просто подумал, что если им нужно тратить много времени на обсуждение плана, то его цель явно была сложна. Что-то сложнее похищения писательницы в нынешних реалиях представить трудно. Всем было понятно, что полиция охраняла ее.

– В общем, самое трудное – узнать, где она живет сейчас. Не думаю, что она осталась на прежнем месте.

– И вы знаете как?

– Есть пару идей. Думаю, у меня получится.

– Но что должен буду делать я?

– Все остальное.

Все знали в лицо Константина. И хоть он ухитрялся прятаться в их небольшом городке, ходить на работу, снимать квартиру и даже крутить роман, но возле писательницы ему не позволят использовать эту маскировку. И это было понятно без слов.

Миша кивнул.

– Значит, еще какое-то время у меня есть?

– Чтобы отказаться? Конечно. Я все же надеюсь, – Константин взглянул на него, сопроводив этот взгляд злобной усмешкой, – что ты умеешь держать язык за зубами.

Парень вяло улыбнулся. Подобные подозрения должны были обидеть его, но он понимал их. Самое сложное ждало впереди, и совсем не хотелось уничтожить все на корню.

– Думаю, самое время и тебе задавать какие-нибудь вопросы. Или же ты веришь всему, что пишут в интернете?

Миша покачал головой, но все же честно признал внутренний мандраж перед такой персону, как Иванченко. Но в ответ только встретил добродушное:

– Я же говорил, что такой же, как и ты. Тебе ни к чему все эти реверансы, – он улыбнулся и похлопал Мишу по плечу.

Это немного взбодрило подростка. Он решил увести их разговор немного в сторону и спросил о побеге. И к своему удивлению, услышал подробный рассказ. Он слушал внимательно, внимал каждому слову и удивлялся, как легко Константину удавалось проворачивать

некоторые вещи: он общался с полицией до того, как его заподозрили, он похитил писательницу практически под носом полицейских, и даже когда они узнали его личность, смог с легкостью продолжать свой путь. Да и сейчас он был не в тюрьме, где ему предписано быть. Он с легкостью выбрался оттуда и теперь сидел рядом и время от времени наблюдал за медленным течением реки, чем все больше и больше спокойствия приносил в душу подростка.

И, наверное, этот внутренний огонек – единственная вещь, в которой Миша не готов был признаться никому. Даже столь обожаемому человеку.

Глава 4

Напряжение не спадало. Света ощущала его с каждым пробуждением, не забывала при каждом засыпании и в течение дня вздрагивала, как только что-то даже незначительно выбивалось из привычного ритма.

Прошло три месяца. Три длинных месяца, когда каждый день ей вяло преподносили: «Не нашли, но успехи есть». Смысла во второй половине фразы не было – даже ей, отрезанной от новостей, была очевидна эта ложь. Они не знали ничего. Проверили старые места, родственников, приятелей – нигде он не появлялся. Предположили, что он связался с другими преступниками – и тут мимо. Те в какой-то момент возжелали его поимки даже больше, чем все остальные.

Им не за что зацепиться. Им неоткуда взять первую ниточку. Света больше не могла обеспечивать ее – не было ни единого намека, что он появится. Все только говорили за спиной об этом, но все менее и менее уверенней с каждым днем.

Не теряла уверенности только она сама. Она ждала его. Сидела у окна каждый день и наблюдала. За каждым шевелением травы, за каждым движением кустов, за едва приметной тропой, спрятанной в кустах за забором. Он должен был прийти. И что-то внутри подсказывало – его путь был там. Не спереди дома. Не где-то еще. Он появится здесь – на этой тропе.

Она уже ощущала это раньше – когда втягивалась в помощь в деле Меркуловой, когда чувствовала зуд в отношении Мраченко. Все это происходило с ней, и теперь не казалось ошибочным.

Максим периодически вмешивался в ее меланхолию: уводил от окна, закрывал его шторой. Но она быстро избавлялась от него и вновь садилась. И сама не знала, зачем повторяла это снова и снова. Нужно было бежать. Настолько быстро, насколько хватит сил. Он точно найдет ее. Он точно явится к ней. И не стоило искушать судьбу ожиданием.

Но ничего не менялось. Пути сильнее стягивались на коже. Все это напоминало жар, бред в бессонную ночь, но продолжало происходить наяву. И чем дольше она сидела, тем меньше боялась. Будто все это – подготовка к борьбе.

Она не ощущала страха, только бесконечное волнение. Не было больше страшных снов, галлюцинаций. Оставалась только глупая надежда – это снова произойдет.

Бежать бессмысленно. Бежать бесполезно. Она делала это так много раз, что давно должна была понять – он вернется. Хватка только ослабла, но никуда не исчезала за эти годы. И даже если сегодня у него не получится, то наступит завтра, и еще одно, и еще. В какой-то момент он появится там, заберет ее, чтобы вновь напомнить – прошлое не осталось в прошлом.

Оно дышало в спину, напоминало кровоточащими ранами. Только она предпочитала не замечать этого.

Единственный способ разорвать пути – встретится с ним лицом к лицу. И неважно, насколько опасно это было.

Перед глазами в очередной раз возникла расшитая красивыми цветами светло-голубая штора. Света лишь выдала недовольный вздох.

– Даже не начинай. Мне в этом сумасшествии не хватало потерять тебя вновь, – Максим присел напротив нее на корточки, с грустью посмотрел прямо в глаза.

Но Света предпочла увести взгляд.

– Знаю. Тебе не о чем волноваться. Меня это успокаивает.

Максим выдал в глазах недоверие. И Света понимала – с каждым днем эта ложь выглядела все более и более подозрительной. Но продолжала говорить это, и теперь даже лечащий врач не знал всей правды.

– Свет, я волнуюсь за тебя, – он взял ее за руку, сжал в своей.

Света ответила легким кивком.

Она ненавидела Константина. Он ворвался в ее жизнь и разломал ее полностью. Все ее идеалы были растоптаны, все мечты и цели разрушены. И во время суда она ощущала это – то пепелище, в которое превратилась ее жизнь. В ней больше не цвела жизнь, не распускались цветы в сказочном саду. Там не осталось ничего. И сейчас был только один шанс вдохнуть новую жизнь – уничтожить того, кто раз за разом разламывал все, рушил и сжигал, причиняя боль. Ведь в этом его смысл – сближаться с ней, чтобы вытягивать из взгляда, выражения лица ее боль и скорбь и питать тем самым свое существование.

И единственный способ...

– Света! – вырвал из раздумий голос мужа.

Писательница подняла глаза на него, улыбнулась вполне искренне. Она чувствовала – скоро этот кошмар закончится.

Максим настаивал, чтобы она пошла спасти с ним, но Света уговорила мужа – она осталась внизу. Для виду села читать, пусть время от времени взгляд опускался туда – в темноту улицы. Ночь была безлунной, поэтому она могла разглядеть лишь редкий отсвет фонарей. Тропу полностью поглотила тьма. Но Свету это мало волновало, она вновь погружалась в ожидание.

В какой-то момент звенящая тишина врезалась в уши. Света отвлеклась от окна, прислушалась. Действительно, сопровождал ее лишь громкий гул холодильника из кухни. Никто не говорил и даже не шептал. Это было странно.

Света поднялась, прошла в ту комнату, где проводили время полицейские. Внутри горел свет, покачивалась штора, но не происходило ничего. Все, кто находился там, спали: кто-то лежа, накрывшись одеялом, кто-то в полусидячем положении, скрестив руки на груди. Света сглотнула, сделала шаг назад. Так быть не должно. Кто-то из них должен был остаться на дежурстве.

Писательница подошла к одному из них, легонько тряхнула за плечо. Тот даже не поморщился. Она повторила жест сильнее, но никакой реакции. Будто не чувствовал ее прикосновения, призыва проснуться.

Света поспешила в их с мужем спальню, попыталась растолкать Максима. Но картина повторилась – он спал, не реагируя ни на какие попытки разбудить его. Света отшатнулась. Все это не игра ее воображения. Она не спала, не была в бреду, не утратила голоса. Но они по какой-то причине не слышали ее.

Света вновь бросилась в ту комнату, где виднелась тропа. Теперь снаружи горел свет. Писательница подошла ближе, присмотрелась. Там был кто-то, стоял ровно в том месте, где некогда она представляла идущего Константина. Незнакомый поднял фонарь ближе к голове, осветил лицо. На нем мелькнула недобрая усмешка.

Света сглотнула. Это был он! И пусть два года внесли в его внешний вид некоторые изменения, она узнала бы его даже в толпе прохожих.

Лебедева отпрянула от окна, кинулась вглубь комнаты. Думать было некогда. Она подхватила телефон и бросилась к дальнему выходу, туда, куда он не доберется так просто. Ей нужно было время!

Света и не заметила, как оставила обувь где-то у порога, как быстро неслась в противоположную от поселения сторону, сжимала в руках подобранный по пути телефон и думала только о том, чтобы успеть словить сеть. Если побежит к людям, у них будут неприятности. Пока кто-нибудь придет сюда, он успеет сделать все, что угодно. Нельзя рисковать.

Света остановилась, нырнула вглубь кустарников. Шагов не было слышно. Она активировала телефон, быстро приглушила свет экрана и набрала скорую. Времени говорить было немного, по прикидкам минуты две. Ответ прозвучал быстро.

– В доме отравлены люди, они все без сознания, не реагируют на попытки разбудить их.

Женщина на том конце пыталась уточнить некоторые моменты, но Света совсем не слушала ее, вслушивалась в тишину ночного зноя. Вроде бы никто не шел. Но все временно. Она вновь вжала трубку в ухо.

– Я не могу говорить, меня преследуют. Дом за номером тридцать шесть в селе Павлово. Скорей, пожалуйста, – закончила шепотом и отключила звонок.

Вместе с ним выключился и телефон, но Света не стала бросать его на месте, только вынырнула из кустов, кинулась вглубь леса. Вдоль дороги отчетливо слышались шаги. Света обернулась, когда прилично отбежала – увидела отблеск двух фонарей. Не стала вдумываться, поспешила скрыться в темноте.

Вокруг был лес, и могло показаться – в темноте легко затеряться. Но Света чувствовала – все это эфемерно, на уровне глупых ощущений. Здравый смысл всегда противоречил, когда речь заходила о нем. Он никогда не желал подчиняться хоть какому-то пониманию разумного. И вот, она нырнула в грот, затаила дыхание, а он уже оказался рядом, остановился у нее над головой, светом провел в низине, практически у ее ног. Из всего леса он выбрал ее траекторию, вновь доказал – не бежать.

Сбоку мелькнул еще один свет фонаря. Первый же не отпускал низину, поэтому Света сильнее вжалась в узкое пространство впадины, схватила лицо рукой, дышала через раз.

– Иди в ту сторону, а я проверю там, – послышалось над головой.

Они отступили, разошлись в разные стороны. Света аккуратно высунулась, взглянула на движение света. Один фонарик удалялся в правую сторону, второй – в левую. Кто из них был Константином сказать было сложно. Возможно, если ей удалось бы побежать в сторону сообщника, то она смогла бы вырваться. Конечно, если он не был похож на Майновича.

Света поежилась. Следовало переждать. Они вряд ли возьмут в расчет этот исход, и тогда возможно действительно появится шанс.

– Шанс... – прошептала она.

И сама ужаснулась сказанному. Не было у нее шанса. Бороться, а не бежать – вот, что ей действительно нужно.

И сам собой появился план.

Света поднялась, выбралась из укрытия в то место, где когда-то стоял Константин. И в это мгновение у лица промелькнул свет фонаря. Она не сомневалась, что так произойдет. И даже не удивилась в эту заминку заметить его лицо. Она кинулась прочь, но почувствовала резкую боль в спине и не удержалась на ногах. В следующее мгновение ее перевернули и попытались завязать руки. Она опомнилась, со всей силы дала в ненавистное лицо раскрытой ладонью, но вторую попытку перехватили и вывернули руку так, что она вскрикнула от боли. Попыталась ударить в ответ ногой, но их будто пригвоздили. И тогда Света заметила – рядом был еще кто-то, молодой паренек. Видимо, сообщник.

Сопротивляться смысла не было, но она не уступала. Знала, если не убедит его, что не попалась добровольно, не выживет до утра. Если только он поймет...

Сообщники подхватили ее, как пушинку, оторвали от земли и понесли в сторону дороги. Вокруг мелькали ветки, отблески света, слышался далекий крик ранних птиц и гул редких машин. Но Света чувствовала лишь равнодушие. Все это более не имело значения для нее.

Глава 5

Сергей Молотов сидел за своим столом и не мог оторваться от созерцания полусгнившего цветка, который не так давно принесла в его кабинет коллега Лена. И вроде бы обещала, что будет старательно ухаживать за ним. В конечном итоге, поливать это несчастное растение пришлось самому Сергею и то в те моменты, когда он вспоминал об этом. Вот, как сейчас. Он поднялся, опрокинул на землю воду из стакана. Она предназначалась ему самому, но в горло не лезло ничего. Да и все эти сантименты в адрес цветка не более, чем попытка сбежать от реальности. Нужно всего лишь не думать о том, что все возвращалось на старые круги, не думать о похищении Светланы Лебедевой и отравлении ее мужа и приставленной охраны. Просто не думать, а сконцентрироваться на этих скукожившихся листьях. Разве много нужно для счастья?

Дверь неожиданно открылась, и в кабинет зашел Макаренко. Сергей недобро окинул его взглядом.

– Кажется, я не вовремя, – он виновато улыбнулся и прошел внутрь, сел на свободный стул.

Сергей вернулся за стол, постучал пальцами по поверхности.

– Да нет же, вы вовремя вернули меня в реальность, коллега, – процедил он сквозь зубы.

– И как он снова это провернул? – будто бы не замечая его настроения, поинтересовался Борис.

– С этим проще. У него сообщник. И надеюсь, что один, – Молотов вздохнул, посмотрел на отпечатанные скриншоты с камер видеонаблюдения.

– Похоже, он рассчитывал, что полиция получит эти снимки. Иначе зачем вырубать камеры только ночью, в момент похищения? – Макаренко откинулся на спинку стула.

– Веет чем-то знакомым, – хмыкнул Сергей. – Следит, потому что вновь уверен, что зацепиться нам не за что? Хотя паренька видело много свидетелей, так что камеры отключать было бессмысленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.